

ИЗОГНУТАЯ ШЕЯ, ОТРУБЛЕННАЯ ГОЛОВА

Независимая 145 — 1995 — 17 марта
Пласидо Доминго в роли Иоанна Крестителя

Вадим Журавлев

Другие берега

ОТПРАВЛЯЯСЬ в венскую оперу на премьеру забытой оперы Жюль Массне «Иродиада», я неустанно задавала себе один вопрос: почему «Саломея» Штрауса каждый день звучит хотя бы в одном театре мира, а «Иродиада» стала пыльным раритетом, который достают из репертуарного сундука раз в сто лет?

Плохое либретто погубило все! Маленькая одноименная повесть Флобера, наполненная описаниями всевозможных восточных нравов и яств, которые просто обязаны выставить автора знато-

лец. Вся опера напоминает один большой дуэт Саломеи и Иоанна, слегка разведенный другими персонажами и небольшими хоровыми сценами. (Остается загадкой название оперы, которая явно отдаст предпочтение дочери Иродиады.) Именно большие дуэты тенора и сопрано остаются самыми интересными страницами ранней оперы Массне. Нежная Саломея становится классическим оперным противовесом крикливой и вульгарной Иродиады, которую Массне в отличие от Штрауса наделяет роскошными номерами. Даже партия Иоанна Крестителя лишена обличительного пафоса и наполнена человеческой нежностью к юной Саломее, извечным библейским «возлюби ближнего своего» гораздо больше, чем у фанатика из

ние порока. Нэнси Густафсон в партии Саломеи демонстрирует блестящий вокал и высокий класс актерского мастерства, но все время丢失 себя на мысли, что ей далеко до своих партнеров. Дуэль Ирода и приверженца Крестителя Фануила — двух низких мужских голосов — окончилась полной победой Ферруччо Фурланетто, блестящего исполнителя опер Россини и Моцарта, покорившего зал монологом прорицателя-ессея, обращенным к звездному небу. Хуану Понсу в сложной, насыщенной невиданным драматизмом партии тетрарха не хватило сил: вторую половину он выглядел просто уставшим...

Спектакль для звезд. Что будет с ним, когда после премьерных шести представлений их сменят

Пласидо Доминго (Иоанн), Нэнси Густафсон (Саломея).

ком этнографии и древней кулинарии, была переработана тремя либреттистами — Паулем Милье, Анри Гремонтон и Анджело Дзанардини — в полном соответствии с жанром «лирической оперы», господствовавшей в те годы в Париже. Но где найти в истории об убиенном библейском пророке любовный дуэт? Вуаля, маленькая похотливая Саломея превращается в святую, влюбленную в Иоанна Крестителя, которая к тому же вспарывает себе живот кинжалом после смерти любимого «Жанно». Иногда создается впечатление, что либреттисты вообще перепутали Крестителя с Христом и вся эта окорелерелигиозная чехарда не идет ни в какое сравнение с «Саломеей» Уайльда, насыщенной ориентальной эротикой и пьянящими ароматами, воплощенными в музыке Рихардом Штраусом.

Но за что гибнет три часа великолепной музыки, поражающей своей свежестью и новизной, заставляющей вступать в самую яростную борьбу с теми, кто называет Массне сентиментальным? С картезианской четкостью наделяет композитор своих героев музыкальными характерами, которые словно расширяют узкие рамки глуповатого либретто. В «Иродиаде» Массне еще не знает, как потрогать публике (сколько раз потом он это делает!), с юношеской искренностью он насыщает свою оперу почти неземной чувственностью, рядом с которой даже эротика обожаемой «Саломеи» кажется порнографией. (Музыкальная часть спектакля была исполнена итальянцем Марчелло Виотти, который порой невинно, но все же сумел донести до слушателей образ настоящей французской оперы.) Здесь Массне еще не позволит себе разбавлять музыку скудной подлинной, которой так богата шлягерная «Манон», специально возобновленная в Вене в старой постановке Поннелла с молодой певицей Элизабет Норбер-Шу-

немецкой «Саломеи». Конечно, если взглянуть на музыкальный водопад с мостика для туристов, особо боящихся забрызгаться, то в первую очередь приходят на ум слова Дебюсси об авторе «Иродиады»: «Его гармонии подобны объятиям, а мелодии — изогнутым шеям». Настоящий любитель вокала не может остаться равнодушным и ныряет в этот музыкальный омут Массне, дабы насладиться великим искусством, названным его законодателями — итальянцами «красивым пением».

Тем более что в венской премьере «Иродиады» было кого послушать. Король теноров, Пласидо Доминго, в последние годы незаметно сменявший репертуар на сугубо драматический, внезапно демонстрирует в партии библейского пророка такие ажрические бездны своего великого голоса, что диву даешься, как удастся ему сохранить весь голосовой диапазон. Доминго, безусловно, величайший певец нашего времени, его вокальное и актерское мастерство заставляет зрительный зал замирать, учащая дыхание при каждом появлении на сцене красавца пророка в белоснежном рубище. Абсолютная достоверность каждого жеста, взгляда великого певца была на этот раз особенно заметна, поскольку режиссурой и «не захло». Возрождение оперы Массне прибавит в обширный репертуар тенора блестящую партию библейского пророка.

Ария Иродиады, порой исполняемая в концертах, просто рождалась заново на глазах зрителей, как и вся сложнейшая ария меццо-сопрано, благодаря замечательнейшей Агнес Бальтса. Год назад, на премьере «Трубадуре», ее Азучена казалась ненужным элементом декорации. В «Иродиаде» любимица Караяна словно собирает «в кулак» все остальное своего выдающегося голоса, концентрирует актерское мастерство, чтобы сделать зритель само женское воплоще-

певцы «второго уровня»? Спасла бы хорошая режиссура, как это происходит уже в третий раз со спектаклем «Манон» Поннелла, поставленным 20 лет назад, но сохранившим «зрелищную свежесть». Спектакль «Иродиада» оказался же без режиссуры как таковой. Идея его постановки принадлежит Херману Нитчу, человеку, которого бы в России называли «взрешдесятником». Художник-авангардист, 30 лет назад Нитч стал претворять в жизнь идею «театра мистериальных оргий». Вместе со своими последователями он «голяком» скакал по ямам, наполненным виноградом и кровью резанных им же баранов, за что неоднократно сидел в тюрьме. Теперь этот пожилой господин, весьма напоминающий бородастых пророков, тихо преподаёт живопись с явным преобладанием кроваво-красного колера. Поэтому декорации спектакля представляют собой белые шпалы, в той или иной степени залитые, забрызганные, окрашенные кровью или грязью. В момент, когда на блюде выносят голову пророка, белый задник эффектно заливает алая краска. Плоская «мистерия» это или тихая «orgia» — судите сами.

Только без режиссуры все эти оригинальные задумки остаются в зачаточном состоянии, а спасает этот, с позволения сказать, «театр» лишь актерское мастерство певцов. Кровь, цветы в цинковых ведрах, освеженные туши животных, тропические плоды в гигантских носках. Аллепуаж, который вряд ли спасет спектакль в отсутствие таких звезд, как Доминго и Бальтса.

Автор выражает искреннюю благодарность Благотворительному фонду культуры Кредобанка, Федеральной пресс-службе и посольству Австрии за неоценимую помощь.
Вена — Москва